

А. Мартиросян

**советская разведка накануне
ВОЙНЫ**

*доклад международной
ассосиации историков второй
мировой войны*

Annotation

В 2007 г. было проведено два плановых заседания Ассоциации историков второй мировой войны. На заседании в апреле с докладом «Новое о полководческой деятельности маршала Г.К. Жукова» выступил А.В. Исаев. В декабре заседание Ассоциации было посвящено обсуждению доклада А.Б. Мартиросяна «Советская разведка накануне Великой Отечественной войны». Материалы этих обсуждений вошли в изданный по итогам года очередной номер «Информационного бюллетеня» Ассоциации на русском и английском языках

-
- [А. Б. Мартиросян Советская разведка накануне войны](#)
-

А. Б. Мартиросян Советская разведка накануне войны

Доклад для выступления перед членами Национального комитета российских историков Международной Ассоциации историков Второй мировой войны на тему «Советская разведка накануне войны»

Уважаемые дамы, господа, товарищи!

Один из известных американских публицистов, в прошлом сам профессиональный разведчик - хорошо известный историкам спецслужб Луи Фараго в свое время отмечал, что разведывательные службы оказывали и оказывают гораздо большее влияние на ход истории, чем это представляется некоторым. «За любым крупным событием, за спиной каждого государственного деятеля, причастного к этим событиям, стояли (и стоят - А.М.) разведчики, однако авторы научных хроник - то ли из-за высокомерия, то ли из чувства брезгливости - игнорируют их вклад и редко называют их имена...». Дело, конечно, не столько в высокомерии или брезгливости «авторов научных хроник», сколько в том, что разведки чрезвычайно редко афишируют свою деятельность и конкретные дела. Как правило, это происходит спустя многие и многие десятилетия, или, что чаще всего, вовсе не раскрывают суть своих операций. Обычно разведки говорят лишь о тех делах и тех операциях, а также разведчиках и агентах, о которых, помимо воли самих разведслужб, каким-то образом уже стало известно широкой общественности. Это вполне нормальная практика разведывательных служб всего мира. Однако и в этих случаях они говорят ровно столько, сколько позволяют соображения безопасности разведывательной деятельности, особенно же соображения безопасности разведчиков и агентов, особенно ценных. Так что нет ничего удивительного в том, что «авторы научных хроник» не говорят о роли разведок в тех или иных событиях. Особенно по «горячим следам». Хотя и бывают исключения.

Иное дело, когда разведки (и вообще спецслужбы) уже официально предали гласности некоторые из своих операций, а также ранее секретную информацию, знать о которой в период ее особой актуальности имели право только считанные лица из числа высшего военно-политического руководства государства. Вот тут-то действительно непонятно, какими соображениями руководствуются «авторы научных хроник», игнорируя официальную информацию разведывательных служб. И, опять-таки, скорее всего это происходит не из-за их высокомерия или брезгливости, а вследствие простого неумения адекватно историческим реалиям оперировать раскрытой разведслужбами информацией в исторических исследованиях. Это действительно повсеместное явление, резко обедняющее эти исследования, а нередко приводящее и к ложным, а то и преднамеренно ложным выводам. Что, к слову сказать, в историографии трагедии 22 июня 1941 года буквально на каждом шагу. Одна почти полувековая склока вокруг знаменитого доклада ГРУ от 20 марта 1941 года чего стоит! Так оболгали, так зафальшивили все, что связано с этим докладом, так оклеветали ГРУ и Сталина, что трижды не приведи Господь!

Между тем, по отношению ко всем историческим исследованиям данные разведки, тем более доложенные в свое время высшему руководству государства, являют собой как бы эталонную информацию для контроля выводов в этих исследованиях. Ибо только адекватное историческим реалиям оперирование такой информацией дает шанс правильно понять те или иные действия лиц, получивших эту информацию. Выдающийся германский военный разведчик времен Первой мировой войны - полковник Вальтер Николаи - во время одного из допросов на Лубянке обронил такую фразу: «Став историком, я сохранил менталитет разведчика». Понятно, что подавляющее большинство историков пришли в эту науку не из разведки. А потому им не сохранять менталитет разведчика надо, а пытаться проникнуться этим менталитетом, дабы правильно оценивать рассекреченную информацию и не менее правильно оперировать ею. Хотя бы потому, что если говорить образно, то История - это разведка, разведывающая назад! И она обязана быть точной.

Накануне войны разведывательную деятельность вели следующие органы. Первое управление НКВД СССР, с февраля 1941 г. - НКГБ

СССР, Главное Разведывательное Управление Генштаба и Разведывательное Управление Наркомата Военно-морского флота, их зарубежные резидентуры, территориальные органы госбезопасности, особенно в западных округах, разведка погранвойск, разведотделы штабов западных округов, а также Отдел международных связей Исполкома Коминтерна. Отдельные разведывательные задания выполняли также наркоматы связи и транспорта в виду имевшихся у них для этого возможностей. Кроме того, особую роль играла личная разведка Сталина.

Вопреки сложившему за послевоенный период едва ли не категорическому мнению о том, что-де разведка не обеспечила высшее военно-политическое руководство страны необходимой информацией, в действительности же это не так. Опираясь на громадное количество ныне рассекреченных документальных источников, а также публикаций в открытой печати имею все основания заявить, что это не только никак не соответствует действительности, но и попросту является отпетой ложью в адрес славной советской разведки.

Вплоть до 22 июня 1941 года, преодолевая громадные трудности создания, роста и развития, массированное противодействие контрразведок стран, против которых велась разведывательная деятельность, а также различные политические издержки внутреннего порядка и т.п., советская разведка с честью и практически всегда своевременно выполняла возложенные на нее функции. Именно поэтому-то утверждение о том, что-де она с чем-то не справилась - есть ложь.

Непосредственно накануне войны советская разведка представила высшему политическому и военному руководству страны буквально все, о чем только может мечтать генеральный штаб. Заблаговременно была вскрыта подготовка гитлеровской Германии к войне против СССР, при чем задолго до того, как фюрер утвердил «План Барбаросса». Заблаговременно было начато фиксирование переброски войск вермахта на восток. Затем были установлены основные положения «Плана Барбаросса», выявлены основные группировки вермахта, направления главных ударов, боевой состав войск, включая их численность, вооружения и материально-техническое обеспечение, места их дислокации на глубину до 400 км вглубь германской территории, причем в ряде случаев вплоть до дислокации отдельных

батальонов и даже рот, а также аэродромов подскока. Были выявлены также не только стратегический замысел, но и тактические приемы его реализации и многое другое. Естественно, добывались самые актуальные данные о вооружениях гитлеровской Германии, об экономике рейха, особенно военной. Были добыты даже данные о намеченной гитлеровскими варварами трагической судьбе советских военнопленных. Параллельно непрерывным потоком шла актуальная информация о позиции западных держав в связи с неизбежным нападением Германии, из которой специфическими методами разведывательного анализа вычленилось достоверное зерно.

Возможно, кому-то из присутствующих покажется слишком залихватским утверждение о том, что для советской разведки не было практически никаких секретов в подготовке гитлеровской агрессии. Конечно, это Ваше право, которое я искренне уважаю, однако такое мое заявление обосновано тем громадным объемом официально рассекреченной информации, прежде всего документальной, которой я располагаю. И потому смело могу утверждать подобное. Более того. Учитывая, что в последние лет двадцать развилась не очень хорошая привычка посыпать голову пеплом, что-де, не все вот выявили, потому и такая трагедия, да еще и репрессии сыграли свою роль, хочу со всей определенностью сказать следующее. Ни гражданским, ни тем более, военным историкам, особенно же бывшим разведчикам не было, нет, и быть не может ни малейшего основания утверждать подобное. Советской разведке не в чем себя винить. То, что она сделала перед войной - это просто фантастический подвиг этих скромных и неизвестных для остальных людей. И нечего принижать и тем более оскорблять их подвиг. Какая еще разведка в мире располагала агентурой на самом высшем уровне нацистской верхушки. Геринг был обложен агентурой. Гиммлер был обложен агентурой, Гесс был обложен агентурой, Риббентроп был обложен агентурой. И даже Гитлеру не удалось уберечься от всевидящего сталинского ока. Я уж не говорю о фантастических агентурных позициях советской разведки в США, Великобритании, Италии, Франции и других странах. Что же касается репрессий, то позвольте обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Замена оперативного состава разведки стала осуществляться задолго до 1937 года. В ее основе лежали сугубо прагматические мотивы. На протяжении многих лет руководители

разведок фактически ослабили конспиративность разведывательной деятельности, всюду процветал шаблонный подход, внимание контрразведывательным аспектам разведывательной деятельности уделялось крайне незначительно, линии связи различных резидентур и агентурных групп не были изолированы друг от друга, что, естественно, подряд приводило к многочисленным серьезным провалам. А провалы, как известно, нередко ведут и к перевербовкам агентуры и разведчиков. Так что в принципе-то аресты начались отнюдь не пустом месте. Тем более что шпионаж против СССР в предвоенный период процветал таким махровым цветом, что только диву даешься. Кто только и как только не вел шпионскую работу против СССР! Почитаешь материалы того периода, и придешь в ужас.

Когда масштабы этой замены приобрели черты глобальной необратимости, то тесно повязанная с антисталинской оппозицией предыдущая «гвардия», не нашла ничего более умного, как начать строчить подлые доносы на своих же боевых товарищей. В общем-то, это было общей установкой антисталинской оппозиции - в случае арестов клеветать на ни в чем не повинных людей, дабы скрыть свою вину по принципу, чем больше посадят, тем быстрее прекратят репрессии против настоящих оппозиционеров. А иные и вовсе дали деру на Запад, в том числе и к Троцкому. А это уже приводило не только к неизбежной, по соображениям безопасности, консервации агентуры и многих агентурных линий, но и к массовым отзывам агентуры и разведчиков на Родину, где с ними уже разбирались по законам безопасности именно разведки. А они куда более жестки, чем даже тогдашнее уголовное законодательство СССР. К примеру, все хорошо знают о побегах на Запад таких предателей, как Натан Маркович Порецкий, Вальтер Кривицкий (Самуил Гершевич Гинзбург), Орлов-Фельдбин Лейба Лазаревич и некоторых других. В результате их предательства под угрозой расконспирации и ареста оказались не десятки, а сотни агентов, доверительных связей и оперативных контактов разведки, а также разведчиков и десятки особо секретных операций разведки. Один только Кривицкий сдал британской разведке свыше 100 агентов, разведчиков и оперативных контактов советской разведки, включая даже тех, которые были задействованы в инфраструктурных сетях, то есть в системах связи. Когда доклад британской контрразведки МИ-5 о результатах опроса

Кривицкого попал в Москву - спасибо великолепной «кембриджской пятерке» - то на Лубянке просто за голову схватились. И что после это должно было делать руководство разведки и руководство страны?! Ведь даже «кембриджская пятерка» оказалась чуть ли не на грани провала. Естественно, что разбирались, и разбирались порой очень круто. И не только в смысле жестокостей. Порой из-за этого актуальной информации даже самых честных, ранее ни в чем не подозреваемых агентов не верили, потому что одним из методов разведывательной деятельности является использование выявленных агентов противника втемную как канал дезинформации. В британской разведке, к примеру, существовал отдел «ХХ», который занимался подобными делами. Слава Богу, что там был наш человек - Виктор Ротшильд, друг практически всей «кембриджской пятерки».

Я не оправдываю жестокости и суровое отношение к подобным случаям того времени. Я всего лишь пытаюсь привлечь внимание к исключительной сложности разведывательной деятельности, особенно последствий провалов, предательства и побегов. Вот еще один небольшой пример. Еще в 30-х гг. в США была сформирована прекрасная, мощная, обладавшая громадным, всепроникающим агентурным аппаратом нелегальная резидентура, которую, до осени 1939 года, возглавлял легендарный впоследствии советский разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров. Осенью 1939 года он вместе со своим замом Норманом Бородиным был отозван в СССР. Как правило, при упоминании этой истории, едва ли не все не без удовольствия начинают тыкать в адрес Берии, что вот, мол, пришел свирепый вепрь, начал издеваться над лучшими кадрами разведки. Но никто не хочет замечать того, что из-за предательства Кривицкого нелегальная резидентура Ахмерова была поставлена на грань провала. Ведь предатель сообщил английской и американской спецслужбам ряд подробностей о тех лицах, которые использовались Ахмеровым. Более того. Опубликовал даже книгу якобы своих мемуаров. Якобы - потому, что накатал этот опус не он, а агент британской разведки Исаак Дон-Левин. Что же до Берии, то он сам был классным разведчиком, и ему ничего не оставалось делать, как отозвать Ахмерова и Бородина, а по прибытии, на время проверки, понизить их в должности. К слову сказать, это вполне рутинная практика в подобных случаях. Когда же проверка закончилась и особенно после начала войны, Ахмеров

вернулся в США, и на протяжении всей войны передавал такую уникальную информацию, что только ахнешь, когда познакомишься с ней. А заодно и гордишься таким асом. Ведь порою дело обстояло донельзя комично - о том, что он должен спланировать и предпринять, Рузвельт нередко узнавал значительно позже Сталина. Как ныне принято говорить, почувствуйте разницу! Кстати говоря, именно Ахмеров является одним из самых главных прототипов легендарного киногероя Штирлица, так как именно он обеспечил документальное разоблачение проводившейся англосаксами разведывательной операции «Санрайз» - об установлении сепаратного мира с гитлеровцами.

О вкладе таких агентов и разведчиков, как «Старшина», «Альта», «Ариец», «Кент», «Дора» и других, очевидно, нет нужды говорить. Об этом и так написано очень много. Лучше поговорим о малоизвестном и неизвестных. В деятельности советской разведки накануне войны особенно выделяются несколько обстоятельств.

Во-первых, советской разведке удалось добиться потрясающего успеха в своевременном разведывательно-информационном освещении генезиса «Плана Барбаросса». Информация о генезисе планов агрессии вообще является одной из самых засекреченных в мире разведок, потому как прослеживается весь интеллектуальный путь от возникновения предварительной идеи и самого замысла до разработки конкретного плана нападения. А ведь в военном деле это имеет чрезвычайное значение, так как позволяет вычислить алгоритм мышления стратегического командования противника, что впоследствии, при отражении агрессии, автоматически создает условия для Победы. Когда знаешь, как мыслит противник, причем знаешь на всю глубину его мышления, то не представляет особой трудности вычислить наиболее вероятные его действия в том или ином случае. Советская разведка, к слову сказать, дважды за период с конца 1936 по 22 июня 1941 года добывала подобную информацию. По своей сути это уникальный рекорд, который достоин занесения в Книгу Рекордов Гиннеса, потому как, откровенно говоря, не припомню в истории разведслужб что-либо подобное. В своих книгах о войне я детально показал, как это происходило.

Во-вторых, за счет оригинального маневрирования силами и средствами советской разведке удалось добиться фантастически

редчайшего успеха, когда тактическая по своей природе разведка погранвойск НКВД СССР в последние три недели перед войной сыграла выдающуюся роль стратегической разведки. Именно она, разведка погранвойск, дважды смогла установить, причем документально, даты начала выдвижения войск ударных группировок вермахта на исходные для нападения позиции. Подчеркиваю, что ни одна из разведслужб, как институты системы обеспечения внешней безопасности страны, не смогла добиться такого успеха. К глубокому сожалению, в нашей исторической литературе о войне этот, без преувеличения величайший подвиг погранразведки практически никак не освещен. А то, что мне удалось собрать - мизер.

В связи с погранразведкой должен отметить еще одно важное обстоятельство. Со времен мемуаров Жукова, в нашей исторической литературе о кануне войны сложилась малопонятная «традиция» утверждать, что-де на нашу сторону перебежал только один перебежчик, и то в ночь перед нападением, да и тому якобы не поверили, и даже якобы расстреляли. В действительности же все обстояло как раз наоборот. Прежде всего, отметим, что только по тем данным, которые фигурируют в открытой литературе, есть все основания говорить как минимум о 24 перебежчиках с той стороны. Причем не все они были военнослужащими вермахта. Часть из них были польскими гражданами-патриотами, хорошо относившимися к СССР. Более того, зачастую именно эти граждане сообщали куда более ценную информацию, чем даже военнослужащие вермахта. Кстати говоря, окончательно точная дата и точное время начала выдвижения войск ударных группировок на исходные для нападения позиции была установлена именно с их помощью. Далее. Никто их не расстреливал. Напротив, их очень подробно опрашивали, именно опрашивали, а не только допрашивали, а всю информацию немедленно сообщали в Москву. Некоторые из них были завербованы советской погранразведкой для ведения разведывательной деятельности против гитлеровцев.

В-третьих, что касается особенностей агентурной работы. В предвоенные годы сложилась уникальная традиция советской разведки - приобретать, в том числе и на вырост, так называемую, скажем по-граждански, плацдармную агентуру. Речь идет об агентах, которые занимают, если и не самый ключевой пост в объекте

разведывательного проникновения, то, по крайней мере, такое положение, с позиций которого возможно постоянное информационное освещение чрезвычайно широкого круга вопросов. Наиболее характерными примерами на этот счет являются легендарная «кембриджская пятерка», которая была в состоянии осветить практически любой вопрос, связанный не только с Англией, но и с Германией, Италией, Японией, Португалией, Испанией, Венгрией, Румынией, а также странами антигитлеровской коалиции. Масштабы вклада «кембриджской пятерки» в разведывательное обеспечение безопасности СССР перед войной и во время войны просто неизмеримы. Это такое небывалое количество документальной информации, единственная мера измерения которой - гигантские чемоданы.

Военная разведка тоже осуществляла подобную деятельность. Например, перед 1 сентября 1939 г. всю информацию по вопросам германо-польских отношений, а также по сопутствующим вопросам, ГРУ получало от мощной агентурной группы, которая базировалась в германском же посольстве в Варшаве. Эта группа прекрасно знала даже то, что делает Абвер на польском направлении.

Такой же была и резидентура легендарного Рихарда Зорге, у которого в источниках и подысточниках числилось свыше ста прекрасно информированных лиц, занимавших различные положения.

В-четвёртых, что, прежде всего, касается личной разведки Сталина, хотя и остальные разведки тоже внесли немалый вклад. Личной разведке Сталина удалось выявить алгоритм геополитического и военно-геополитического мышления высшего нацистского руководства, прежде всего самого Гитлера. Это просто-таки фантастический успех, о котором практически мало что известно. Но это чрезвычайно важный успех, потому как если лидер противоборствующей стороны прекрасно осведомлен о таком уникальнейшем секрете, как алгоритм геополитического и военно-геополитического мышления руководителя страны-агрессора, то, по своей сути, владение таким секретом являет собой гарантированную основу неизбежности Победы над агрессором.

В порядке иллюстрации такого вывода позволю себе обратить Ваше внимание на едва ли широко известный факт, что подготовка, например, к Сталинградской битве была начата Сталиным еще 2

октября 1941 года! В самый тяжелый период накануне битвы под Москвой. Это стало возможным только лишь потому, что Сталин владел этим уникальным секретом, который затем был подтвержден также и соответствующей разведывательной информацией. Не говоря уже о том, что уровень компетентности Сталина в вопросах политики, геополитики, экономики и военного дела был выше всяких похвал и откровенно признавался как друзьями, так и его недругами. Уже в наше время некоторые ученые специально проанализировали отдельные работы Сталина еще начала 20-х гг. и пришли к категорическому выводу о том, что уже в то время Сталин являл собой более чем очень сильного доктора политологических наук, большого мастера политической стратегии и тактики.

Достичь упомянутого выше успеха было бы невозможно, если личная разведка Сталина не обладала бы уникальными агентурными и иными позициями в окружении нацистской верхушки. Вы только вдумайтесь, какого высочайшего полета, какого ума и таланта выдающиеся люди того времени работали на обеспечение Сталина глобальной стратегической информацией. Легендарный в мировой политике и геополитике первой половины XX века Карл Хаусхофер. В столь квалифицированной аудитории отдельно представлять Карла Хаусхофера едва ли нужно. На вопрос же о том, каким образом Сталин сумел найти общий язык с К. Хаусхофером и добился от него систематического направления в свой адрес строго конфиденциальных аналитических обзоров этого легендарного геополитика, могу сказать лишь одно. Начало этому, по требованию Сталина, положил небезызвестный Карл Радек, который был знаком с Хаусхофером еще с 1919 года по тайным переговорам, приведшим впоследствии к Рапалльскому договору и секретному военному сотрудничеству между РККА и Рейхсвером. Кроме того, нельзя не отметить, что не обошлось тут и без знаменитого мага Георгия Ивановича Гурджиева - одноклассника Сталина по духовной семинарии и его родственников - Меркуровых, один из которых был известным советским скульптором Сергеем Дмитриевичем Меркуровым. Однако перейдем к главному.

Именно Карл Хаусхофер сыграл одну из решающе ключевых ролей в том, что Сталин в совершенстве овладел всеми нюансами системы геополитического и военно-геополитического мышления Гитлера и его ближайших сподвижников, а также системы

геополитического реагирования Запада на те или иные политические шаги фюрера. На протяжении многих лет К.Хаусхофер направлял Сталину детальные геополитические аналитические обзоры, которые составлялись на базе исключительно обширной, как правило, уже изначально глубоко аналитической, многократно проверенной по различным источникам информации, которая поступала к Хаусхоферу буквально со всего света, причем как от гражданских исследователей - журналистов, ученых, экономистов и т.д., - так и дипломатов и разведчиков. К примеру, легендарный Рихард Зорге многие свои аналитические обзоры предварительно «обкатывал» через Хаусхофера, в том числе, и в его знаменитом журнале «Геополитика».

Благодаря именно этому обстоятельству еще накануне войны Сталину удалось так разложить геополитический пасьянс, что США и Великобритания были вынуждены стать союзниками СССР в борьбе против гитлеровской Германии, хотя союзниками они были, и это надо честно признать, весьма подловатыми - Запад, что поделаешь.

Более того. В нашей исторической литературе считается высшим шиком и так и сяк лягать Сталина за Договор о ненападении от 23 августа 1939 года. Но кто бы отдал себе отчет в том, что этот филигранно-ювелирный дипломатический ход, оттянувший неизбежную войну почти на два года, был обеспечен тем, что Хаусхофер детально информировал Сталина о геополитическом образе мышления Гитлера, чем и воспользовался Иосиф Виссарионович в интересах безопасности СССР. Более того, кто бы отдал себе отчет в том, что именно с помощью Хаусхофера Сталин давно осознал высочайшую глобальную геополитическую эффективность принципиальной сути геополитического шантажа на мировой арене по Хаусхоферу. Он уже в середине 20-х гг. осознал это. Что, к слову сказать, позволило ему методично «вышивать» непробиваемый «бронезилет» для СССР в виде системы перекрещивавшихся между собой двусторонних Договоров о ненападении и нейтралитете со всеми основными государствами Западной Европы, а также соседями по периметру своих границ, особенно западных, северо-западных и южных, а затем и восточных. Так, за две недели до привода Гитлера к власти, советская военная разведка агентурным путем добыла запись беседы между командующим рейхсвером генералом Гаммерштейном и

венгерским посланником в Берлине Кания, состоявшейся еще 11 декабря 1932 г. В документе, в частности, говорилось:

«Кания: Россия добилась все-таки чрезвычайных успехов своими пактами о ненападении, и ее дипломатические позиции очень укрепились.

Гаммерштейн: Следует, конечно, отличать дипломатическую мощь от мощи действительной. Все же, по моему мнению, Россия неприступна».

Тем самым безопасность СССР обеспечивалась вплоть до Мюнхенского сговора Запада с Гитлером. А когда стало ясно, что Запад не желает строить систему коллективной безопасности и тем более давать коллективный отпор грядущей агрессии, то Сталин, воспользовавшись творчески осознанными и переработанными им самим рекомендациями Хаусхофера, использовал полученные сведения в интересах Советского Союза. Ведь в основе подписания Договора о ненападении лежала уникальнейшая геополитическая формула. Ее суть в следующем: СССР с Германией, а по мере необходимости, но также в интересах собственной безопасности, и с ее основными союзниками тоже, ровно настолько, насколько западные демократии не столько не с СССР, сколько против него. Но не более того, чтобы тем самым хотя бы оттянуть, как минимум, на какое-то время фатально неминуемое столкновение с Германией, неизбежность которого предreshало постоянное и целенаправленное провоцирование Западом Германии к нападению на СССР. Если этого не знать и не учитывать, то очень трудно понять внешнюю политику Сталина в 1939-1941 гг.

Более того. Вообще едва ли известно, что именно геополитические обзоры аналитического характера, которые Хаусхофер направлял Сталину, стали одной из первопричин, опираясь на которую, Сталин, используя упомянутую выше формулу как обоюдоострый топор со «сменными топорщиками», под корень срубил реальную в преддверии неминуемого столкновения с Германией угрозу трехфронтowego нападения на СССР. То есть с помощью договоров о ненападении нейтрализовал и Японию, и Турцию. Они так и не посмели выступить с оружием в руках против СССР, хотя всю войну пакостили.

Еще более того. Именно аналитическая информация Хаусхофера сыграла одну из решающих ролей в том, что еще осенью 1940 года советская разведка - в данном случае НКВД СССР - начала малоизвестную операцию «Снег», суть которой сводилась к тому, чтобы заблаговременно обезопасить советский Дальний Восток от угрозы нападения Японии и повернуть вектор неизбежной японской агрессии на юг. Начинал эту операцию все тот же Ахмеров. На последнем этапе этой операции в дело включились также Рихард Зорге и его самый лучший, блестяще информированный и способный оказывать стратегическое влияние на правящие круги Японии агент Ходзуми Одзаки. Итогом стал Перл-Харбор и вступление США в войну.

А на точное знание, в том числе и нюансов системы геополитического мышления верхушки Третьего рейха и системы геополитического реагирования Запада на внешнеполитические шаги нацистского руководства Германии, отлично ложилась бесценнейшая информация из самых высших сфер гитлеровской Германии, которая поступала Сталину от выдающихся агентов нашей разведки:

От Ольги Константиновны Чеховой - выдающейся, мирового значения актрисы театра и кино в первой половине XX в., внесшей беспрецедентный вклад в Великую Победу.

Мы десятилетиями не ведали, что регулярно на стол Сталина ложились спецсообщения, подписанные очаровательным женским псевдонимом «Мерлин» (на самом же деле так звали одного из прорицателей далекого прошлого), а уж о том, что за ним скрывается великая актриса, - и вовсе предположить не могли. Выдающаяся разведчица-нелегал, действовавшая под псевдонимом «Мерлин», она же Ольга Константиновна Чехова, работала на советскую разведку с 1922 по 1945 г. О масштабах ее разведывательной деятельности, объемах и особенно об уровне и качестве направлявшейся ею в Москву бесценной информации наглядно свидетельствуют следующие факты. Связь между О.К. Чеховой и Москвой поддерживали сразу три радистки в Берлине и его окрестностях. Случай беспрецедентный в мировой разведывательной практике того времени. Например, мощнейшая, использовавшая в качестве источников и подысточников информации свыше 100 иностранцев нелегальная резидентура легендарного Рихарда Зорге обслуживалась всего... одним радистом!

Радистки О.К. Чеховой даже и не знали, чью информацию они передают, не говоря уж о ее содержании. Постоянное наличие в распоряжении Чеховой трех независимых друг от друга каналов радиосвязи неудивительно, ибо первоисточниками стратегически важной информации у нее были сами главари Третьего рейха - Гитлер, Геринг, Гесс, Геббельс, Кейтель, Шпеер и прочие, а также их жены и любовницы, с которыми она поддерживала тесные дружеские связи (например, «дружбу» с той же Евой Браун Ольга Чехова завела по указанию Москвы еще тогда, когда Гитлер только рассматривал ее кандидатуру на роль постоянной любовницы - в начале 30-х гг. прошлого века).

Кстати говоря, небезынтересно отметить, что проверку кандидатуры Евы Браун Гитлер поручил малоизвестному в начале 30-х гг. Мартину Борману, будущему рейхсляйтеру и своему ближайшему помощнику. Но именно в это же самое время с ним на «короткой ноге» контактировал выдающийся советский разведчик-нелегал Борис Манойлович Афанасьев. Похоже, что именно это и послужило непосредственным импульсом, приведшим к указанию О.К. Чеховой заранее завести «дружбу» с Евой Браун. Раз уж случайно затронули Мартина Бормана, то сразу же отметим, что в советских агентах он никогда не ходил. Это совершенно беспочвенные выдумки Бориса Тартаковского, да еще и с какими-то неуместными ссылками на маршала Еременко. Уж если Тартаковский хотел на кого-то сослаться, то, по крайней мере, не на Еременко, которого еще во время войны Сталин прозвал записным брехуном. Сама же эта идея о Мартине Бормане, как агенте советской разведке пришла к нам из США. Ее автор - Льюис Килзер, автор фантастически беспочвенной, необоснованной книги «Предавший Гитлера: Мартин Борман и падение третьего рейха». Единственный контакт Мартина Бормана с советской разведкой имел место на нейтральной почве. Упомянутый выше разведчик - неlegal Борис Манойлович Афанасьев, в бытность на нелегальной работе в Германии в начале 30-х гг. проживал в одном пансионате с Борманом и отношения дальше кружки пива и обычных разговоров за этим занятием не были развиты. Так что легенда, конечно, очень красивая, тешащая национальную гордость за нашу разведку, но всего лишь легенда.

Но вернемся к О.Чеховой. Гитлер же, что называется, души не чаял в ней и, присвоив ей специально для нее же учрежденное звание Государственной артистки Третьего рейха, приглашал ее на самые престижные мероприятия, во время которых демонстративно оказывал ей знаки высшего внимания (например, неизменно усаживал ее рядом с собой). Естественно, что Сталин едва ли не повседневно достоверно знал, что делает и что думает Гитлер, а заодно и его окружение. А в поток этой информации органически вплеталась не менее бесценная информация от субагентов лично Ольги Константиновны - старших офицеров вермахта: Альбрехта фон Квириштейма (штаб ОКВ), Вернера фон Хефтена и Эберхарда Финка (штаб ОКХ) О.К. Чехова завербовала их, когда они были еще лейтенантами. К концу войны все трое были полковниками. Первые два были казнены гестапо за участие в заговоре против Гитлера от 20 июля 1944 г. Тогда едва не пострадала и сама О. Чехова.

Колоссальную роль играла и информация, которая поступала от Марики Рёкк (урожденная Мария Керер) - выдающейся, мирового значения артистки театра, эстрады и кино в первой половине XX века. Если ориентироваться на шкалу особо ценной агентуры, то разведывательный статус Марики Рёкк фактически равен статусу О.К. Чеховой. Ибо и ее источниками информации были все те же главари Третьего рейха (правда, она была все-таки ближе к Геббельсу). Формально Марика Рёкк принадлежала к агентурной группе советской военной разведки, носившей условное название «Крона». Ее создателем был один из самых выдающихся советских военных разведчиков XX в., легендарный Ян Черняк (к глубокому сожалению, ныне покойный). Группа была создана еще в середине 20-х гг. XX в. и действовала она около 18 лет, но ни один из ее членов не был раскрыт противником. Между тем в нее входило свыше 30 человек, большинство из которых стали видными офицерами вермахта, крупными промышленниками и дипломатами рейха. Однако насколько возможно судить по тем крохам информации, которые официально преданы гласности, эту группу курировала личная разведка Сталина. По каналам этой группы, в том числе и лично от Марики Рёкк, шла столь же бесценнейшая для советского руководства и командования информация.

В славной плеяде тех разведчиков, которые обеспечивали Сталина уникальнейшей разведывательной информацией, талантливый ученый-астролог и очень близкий к заместителю Гитлера по партии Рудольфу Гессу человек - граф Сергей Алексеевич Вронский (1915-1998) занимает особое место. Особенность разведывательного статуса С.А. Вронского проистекала из того, что он с детства блестяще владел оккультными дисциплинами - астрологией, хиромантией, магией, обладал отличными способностями к гипнозу и психотерапии, был отличным экстрасенсом-медиком. И, судя по всему, он использовался именно в этом направлении, так как был близко знаком не только с верхушкой Третьего рейха, но и поддерживал близкие дружественные отношения с личным астрологом Гитлера Карлом Эрнстом Крафтом. Как это явствует из весьма скромных описаний жизненного пути Вронского, он был занят информационным освещением наиболее скрытой от посторонних глаз части нацистского режима - его связи с оккультными силами, в том числе и связи через оккультные каналы с наиболее могущественными закулисными силами Запада. Надо сказать, что Сталина очень беспокоили эти связи. В них он усматривал наиболее серьезную угрозу безопасности СССР и, в конечном итоге, не ошибся. Ни накануне войны, ни под конец ее. Потому как именно по этим каналам в период миссии Гесса Англия гарантировала Гитлеру неоткрытие второго фронта аж до 1944 года. А в конце войны именно по этим же каналам, к которым затем подключились и разведслужбы, были инициированы тайные переговоры с нацистами об условиях сепаратного мира.

Граф был вхож, в частности, в круг членов тайного общества «Врил», создателем и главой которого являлся уже упоминавшийся выше Карл Хаусхофер, у которого, в свою очередь, были тесные контакты с одной из самых могущественных масонских лож Великобритании и вообще англосаксонского Запада - «Герметическим Орденом Золотой Зари». В тех скудных сведениях о тайной работе Вронского на Советский Союз и Сталина, которыми ныне возможно располагать, есть (правда, весьма глухие) намеки на какое-то его участие в проекте рейхсфюрера СС Гимmlера - «Аненербе» («Наследие предков»).

С.А. Вронский был одним из тех, кто в числе первых установил окончательную дату вторжения - 22 июня 1941 года. И если исходить

из его скупых слов, то это произошло где-то весной 1941 г., скорее всего, в начале весны, потому как на основании именно его астрологического прогноза Р. Гесс принял решение о полете в Англию, к которому ему еще надо было подготовиться. Гитлер же, как известно, впервые озвучил дату 22 июня только 30 апреля 1941 года. Судя по всему, Вронский, наряду с Зорге, был одним из тех разведчиков, что еще в конце 30-х гг. проинформировали Москву об угрозе нападения Германии в 1941 году. Зорге сообщил об этом в одной из январских 1937 г. телеграмм со ссылкой на своего «друга» Ойгена Отта, который, находясь в командировке в Берлине, присутствовал на каком-то совещании, где обсуждался ход выполнения ныне хорошо известного меморандума «Об экономической подготовке к войне» от 20 августа 1936 года. Собственно говоря, там и фигурировал срок четыре года от подписания документа, что чисто аналитически приводило к выводу о 1941 годе. Вронский же сообщил об этом явно весной 1938 г., так как тогда в Германии под контролем СС произошло особо секретное совещание астрологов, которое рекомендовало Гитлеру определить время нападения на СССР на 1941 г.

Кстати говоря, случай с Вронским далеко не единственный в практике использования экстрасенсов в интересах советской разведки. В составе легендарной разведгруппы Харро Шульце-Бейзена была профессиональная ясновидящая Анна Краус, внесшая неоценимый вклад в нашу Победу. Такими же способностями обладала и другой член этой же группы - Ода Шотт-Мюллер.

Разговор о роли советской разведки накануне войны будет не совсем полным, если мы не затронем один, как представляется очень важный аспект. Речь идет о знаменитом докладе ГРУ от 20 марта 1941 года. ЦАМО РФ. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12-21. За многие десятилетия, прошедшие с того момента, когда сам факт наличия такого документа был предан гласности, вокруг него наворотили столько лжи, столько беспардонно чудовищной клеветы, что считаю своим долгом обязательно затронуть этот вопрос в своем выступлении перед столь уважаемой аудиторией. Потому что всеми этими измышлениями был сформирован совершенно беспочвенный миф о том, что-де ГРУ в угоду Сталину ошиблось в определении времени нападения Германии на СССР. Весь текст этого документа зачитывать не буду - присутствующие его и так прекрасно знают. Отметим только, что

колоссальную роль в вакханалии измышлений вокруг этого документа сыграли Маршалы Советского Союза Г.К.Жуков и Ф.И.Голиков, а также доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Академии военных наук, ныне покойный В.А.Анфилов. Пересказывать, что они натворили вокруг этого документа - тоже не буду, ибо сии их «подвиги» хорошо описаны ими же самими в их же книгах. Анфилов, к слову сказать, даже в посмертной книге продолжал ту же политику. Так что сходу перейдем к анализу главного. Но для начала позвольте напомнить выводы, которые были изложены в этом докладе:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки.

Так вот, кто бы вразумительно объяснил, на каком основании все без устали говорят о том, что-де выводы перечеркивали значение содержания этого доклада, а потому, видите ли, не имеют значения?! В чем конкретно, к примеру, ошиблось или сугодничало ГРУ, письменно указав в выводе № 2, что «слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года (т.е. 1941 г. - А.М.) войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»?!

Подчеркиваю свой вопрос, в чем конкретно все видят ошибку, угодничество, дань культу «гениального вождя» и т.д. и т.п., если ГРУ ни на йоту не ошиблось? Ведь нападение-то произошло не весной, а летом - 22 июня 1941 года, в день летнего солнцестояния! Разве это не известно?! Или это тоже требует каких-то особых доказательств?!

Ни аналитики ГРУ, ни сам его предвоенный глава Голиков, ни ГРУ в целом, ни на йоту не ошиблись в выводе № 2. Во-первых, потому, что еще с осени 1939 г., то есть после подписания между СССР и Германией Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., Великобритания буквально зашла в диком приступе бешенства

имперского гнева, который ничем, особо подчеркиваю, ничем не был обоснован, кроме как веками же яростно русофобствующей наглостью Коварного Альбиона! С тех пор британской разведке официально было поручено не только демонизировать этот договор во вселенских масштабах. Чем, к слову сказать, она занимается до сих пор, в том числе и с помощью всякого рода негодяев-предателей типа Резуна-Брехуна. Уже тогда ей было поручено организовать систематическое провоцирование как Берлина, так и Москвы на вооруженное столкновение в смертельной схватке, дабы Англия смогла вылезти из трясины мировой войны, куда вляпалась по собственной же дурости. А с 22 июля 1940 г. это поручение британской разведке было оформлено уже личным приказом британского премьер-министра У. Черчилля «разжечь пожар в Европе», чтобы он перекинулся в первую очередь на СССР! Приказ был отдан главе Управления специальных операций МИ-6 Хью Далтону, под началом которого работали и информаторы советской разведки, в частности, представитель всемирно знаменитого банкирского клана Ротшильдов - Виктор Ротшильд, ближайший друг и единомышленник великолепной «кембриджской пятерки» агентов советской разведки. Так что Сталин прекрасно знал об этом приказе У. Черчилля, от которого априори ничего иного, кроме подлости и коварства, ожидать не приходилось.

Демонизацию этого договора британское правительство и британская разведка осуществляли и осуществляют по одной простой причине. Этот договор демонизируется отнюдь не потому, что якобы способствовал войне. После аншлюса Австрии и особенно Мюнхена, а, тем более, тех гарантий безопасности, что злоумышленно выдала Англия Польше и Румынии, война в любом случае была неизбежна. Так называемые «гарантии безопасности» Польше были выданы Великобританией лишь с одной целью - «гарантии были наиболее верным способом ускорить взрыв и мировую войну...подстрекали Гитлера», отмечал в свое время известный английский историк Б. Лиддел-Гарт. Главное же заключалось в том, что Договор поменял ее расписание, а, следовательно, и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, поскольку надо было оборонять Западную Европу, так и после победы для ее изъятия из орбиты СССР. Неуместно именуемый Пактом Молотова - Риббентропа советско-германский Договор о

ненападении от 23 августа 1939 г. является крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX век, и его всегда будут демонизировать. А ведь, к слову сказать, Сталин еще в конце марта 1935 г. открыто предупредил Англию о серьезной вероятности именно такого поворота событий! Более того, об этом же Англию открыто предупреждали и ее собственная разведка, и дипломатическое ведомство, и дипломаты иностранных государств, и разведслужбы союзных Англии иностранных держав, и проницательные журналисты-международники и т.д. Особенно же предупреждали в предмюнхенский период. Но разве то было нужно британскому премьер-министру Н. Чемберлену?! Кстати говоря, мало кому известно, какими уникальными разведывательными данными располагал Сталина за несколько месяцев до подписания Договора. Это очень любопытные данные. Прежде всего, отметим, что, начиная с середины 30-х гг., советская разведка регулярно «пасла» материалы сверхсекретного досье британского Форин Офис под названием «Германская опасность». Все, что заносилось в это досье, все, что поступало в Лондон по различным каналам, все становилось известным Москве. Что же касается до тех уникальных данных, о которых я только что упомянул, то речь идет о следующем.

1. Секретный меморандум британского МИДа от 22 мая 1939 г., направленный правительству Франции. В меморандуме открыто признавалась нецелесообразность заключения тройственного пакта о взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР, зато совершенно четко было прописано, что «в случае войны важно попытаться вовлечь в нее Советский Союз». Для Запада самым важным было втянуть СССР в войну!

2. Секретный доклад британского министра по координации обороны лорда Чэтфилда от 27 мая 1939 г. об итогах проходивших в апреле - мае 1939 г. секретных англо-французских штабных переговорах (на уровне Генштабов). В этом докладе черным по белому и с невероятной же циничностью англо-французские генштабовские «умиротворители» откровенно показали, как они намерены проигнорировать свои же гарантии безопасности Польши: «Если Германия предпримет нападение на Польшу, то французские вооруженные силы займут оборону по линии Мажино и будут сосредотачивать силы для наступления на... Италию». Что же касается

Англии, то она, видите ли, «сможет осуществить эффективное воздушное наступление, в случае... если в войну вступит Бельгия». То есть совершенно открыто расписались, что выданные ранее гарантии безопасности Польше являлись преднамеренным обманом последней! Зато «в случае войны важно попытаться вовлечь в нее Советский Союз»! Они, значит, будут отсиживаться, и сосредотачиваться неизвестно для чего, а СССР - иди и отдувайся за них!

3. Запись секретной беседы от 29 июля 1939 г. политического деятеля Великобритании Родена Бакстона с влиятельным германским дипломатом - сотрудником службы дипломатической разведки германского МИДа Т.Кордтом. Содержание этой беседы свидетельствовало о том, что Англия намеревалась осуществить польский вариант Мюнхенской сделки с Гитлером. То есть сдать ему «в аренду» территорию Польши для нападения на СССР в обмен на очередной пакт о ненападении с Германией, ради чего Р.Бакстон от имени правительства Англии наобещал прекратить ведшиеся в то время переговоры о заключении пакта о взаимопомощи с СССР, начатые под давлением Москвы. Проще говоря, Великобритания намеревалась по аналогии с Мюнхенской сделкой отдать Гитлеру Восточную Польшу, дабы тот заимел бы, наконец, столь желанный для него плацдарм для нападения на СССР - плацдарм, с которым фюрер и его генералы еще на рубеже 1936-1937 гг. увязывали грезившейся им успех в блиц - «Дранг - нах - Остен» - криге. Одновременно такой же вариант готовился и для прибалтийских лимитрофов.

Однако едва только Иосиф Сталин дал достойный ответ, так тут же Коварный Альбион поставил перед собой уникальную по своей подлости геополитическую задачу: Восстановить График Войны в Первозданно-Британском Виде! Вот что и являлось сутью дезинформации английской разведки с осени 1939 г. И вот почему доклад ГРУ от 20 марта 1941 г. и начинался с абсолютно точной констатации реалий того времени: «Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 г., исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией». Без этого Англия просто не смогла бы выжить! И в ГРУ это прекрасно понимали. Вот почему вывод № 2 был сформулирован именно так, как сформулирован, а не иначе: «Слухи и

документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской... разведки...». К тому моменту уже нарастал шквал неопровержимой информации внешней разведки НКГБ и ГРУ именно о таких действиях британской разведки. Тем более что на пике этого шквала выдающийся советский разведчик Гайк Бадалович Овакимян документально разоблачил в начале мая 1941 г. самую крупную из серии дезинформационных акций операцию британской разведки. Она преследовала цель на фоне «визита» Гесса в Англию ускорить вооруженное столкновение между СССР и Германией, дабы отвести от Англии уже отчетливо маячившее поражение в единоборстве с Германией, в которое, подчеркиваю это вновь, Англия вляпалась по собственной же дурости. Так в чем же ошиблось или со страху перед Сталиным сугодничало ГРУ в выводе № 2?!

Как видите, и в помине нет никаких оснований для подобных выводов. И без особых пояснений ясно, что в отношении действий английской разведки тон вывода доклада ГРУ не случайно категоричный. В то время как в отношении германской разведки - смягченно вероятностный. Может быть, именно тут ГРУ ошиблось или сугодничало? Да нет же, ежели здраво поразмыслить. Тут все логично, не говоря уж о том, что и оправданно с разведывательно-аналитической точки зрения. Потому что для будущего агрессора куда важнее усыпить бдительность запланированной жертвы своей очередной агрессии, нежели брехать на всех европейских, а то и мировых перекрестках о том, что вот-вот он нападет! Германский военно-морской атташе в Москве Н. Баумбах в апреле 1941 г. усиленно старался опровергнуть слухи о войне и даже о дате ее начала - 22 июня. Небезынтересно отметить, что он лгал и говорил правду одновременно. Ложь была в том, что-де Германия не готовится к нападению, а вот правда состояла в том, что по состоянию на начало последней декады апреля 1941 г., когда разгорелась эта полемика, дата «22 июня» официально еще не была утверждена Гитлером в качестве даты нападения. Это произойдет только 10 июня 1941 года. Более того, на тот момент она еще не была озвучена даже самим Гитлером, который сделает это только 30 апреля 1941 г. Кстати, попутно хотелось обратить внимание присутствующих на следующее. С этой историей

связаны совершенно неадекватные фактам и реалиям того времени утверждения уважаемого в научных кругах человек историка А.И.Уткина, который считает себя вправе ретроспективно обвинять Сталина в том, что-де он передавал немцам секретную разведывательную информацию, получаемую от англичан накануне войны. И в качестве подтверждения приводит именно этот случай с Баумбахом. Это фигурирует во многих его книгах о Второй мировой войне. Последний раз в книге «Русские во Второй мировой», М., 2007, стр. 177. Но что было в действительности - я уже сказал. Более того. Добавлю, что 22 июня как дата нападения на СССР в категорическом тоне была заявлена бриттами специальному представителю президента США Рузвельта - Уильяму Donovanу - только 6 июня 1941 года. Если американцам, от которых в самом прямом смысле слова зависела жизнь Англии, эта дата была сообщена только 6 июня, то, как англичане могли сообщить ее Сталину еще в феврале-марте-апреле. А то, что британский посол озвучивал эту дату на одной из пресс-конференций в Москве, вовсе не означает, что он передал эти сведения Сталину. На тот момент это была расчетно-аналитическая дата. В подобные тонкости почему-то никто не хочет вникать. В тот момент об этой дате не знал даже один из самых информированных британских агентов в высшем германском командовании - пресловутый Адольф Хойзингер, он же агент «Фил». Так что более чем непонятно, чем руководствовался уважаемый доктор наук, выдвинув такое обвинение. Добавлю также, что по указанию Гитлера еще в начале 1941 г. были разработаны и введены в действие руководящие указания начальника штаба Верховного главнокомандования по маскировке подготовки агрессии против Советского Союза № 44142/41 от 15.2.1941, пункт первый которых так и гласил: «1. Цель маскировки - скрыть от противника подготовку к операции «Барбаросса». Это главная цель и определяет все меры, направленные на введение противника в заблуждение. Предположим, что тогда, в марте 1941 г., сие гитлеровское «цэу» по вопросам дезинформации не было известно советской разведке. Вполне вероятно, что так оно и было. Но сейчас-то, когда этот трофейный документ уже лет десять как опубликован, можно же было воздержаться от беспочвенных упреков в адрес ГРУ и тем более Сталина?!

Ведь ГРУ не ошиблось, высказав свое мнение о причастности германской разведки к слухам о возможности войны весной 1941 г. в смягченно вероятностной форме. Потому как если сопоставить этот вывод с тем, что было написано в том «цэу» № 44142/41 от 15.2.1941, то нетрудно будет заметить, что там была расписана вся дезинформационная брехология нацистов, кроме одной детали - ни в одной его строчке нет ни звука о дезинформации именно о времени нападения, то есть насчет весны 1941 г. и тем более о 22 июня! А с 12 мая 1941 г. началась вторая фаза германской дезинформационной операции - именно в тот день было подписано распоряжение № 44699/41 от 12.05. 1941 начальника штаба Верховного главнокомандования Вооруженных сил рейха по проведению второй фазы дезинформации противника в целях сохранения скрытности сосредоточения сил против Советского Союза, в котором тоже нет ни звука о дезинформации по вопросу о времени нападения, тем более, весной 1941 г., до конца которой в тот момент оставалось всего 19 дней! А уж о дате нападения тем более. Тем не менее, все усиленно стремятся бросить в Сталина и ГРУ булыжник упрека, да поувесистей. Неужели так трудно уяснить, что замысел - спровоцировать СССР на какие-либо упреждающие грядущую агрессию «телодвижения» своими Вооруженными силами, которые затем можно было бы преподнести «прогрессивному демократическому мнению» Запада как агрессивные по отношению к Германии и тем самым заранее оправдать ее агрессию, - тоже присутствовал. Это вообще входило в арсенал тактических уловок стратегии блицкрига, не говоря уже о том, что это же было в тот момент и стратегической целью Англии и вообще Запада. Однако вплоть до самого нападения включительно, гитлеровцы едва ли не навзрыд все время сетовали, что Советский Союз не дает ни малейшего повода заподозрить его в каких бы то ни было «недружественных» и уж тем более в агрессивных намерениях по отношению к Германии. В кавычках потому, что никакой дружбы не было и в помине - был абсолютно голый прагматизм с обеих сторон.

Теперь обратим пристальное внимание на то, что ГРУ без обиняков назвало все сообщения о якобы неизбежности войны весной 1941 г. именно слухами. И тут никакой ошибки тоже нет - оценка аналитиков ГРУ и здесь абсолютно точна. А вскоре новые данные Лубянки вновь подтвердили это. И ГРУ именно потому точно оценило

эти сообщения как слухи, что на тот момент, то есть по состоянию на 20 марта 1941 г., еще не было зафиксировано данных, способных засвидетельствовать хоть какую бы то ни было реальность подобных утверждений. Любая военная разведка, тем более столь солидная, как ГРУ, при оценке угрозы нападения, особенно в те безъядерные времена, исходила (да и сейчас будет исходить) из двух фактов: из факта сосредоточения войск противника у своих границ и особенно факта завершенности этого процесса. Так вот, именно в то время, то есть по состоянию на 20 марта 1941 г., ГРУ видело и четко фиксировало действия командования вермахта, связанные только с сосредоточением и развертыванием войск. Но самое главное, что оно видело в то время, - так это то, что этот процесс еще не завершен и даже еще не переведен в режим финишного этапа, то есть в режим военного времени, когда начинается отсчет времени «X». Любая военная разведка, тем более столь многоопытная, как российская военная разведка располагает уникальными системами индикаторов, позволяющих даже по косвенным признакам своевременно зафиксировать тот факт, что процесс сосредоточения и развертывания войск противника завершен либо уже явно близится к завершению. По состоянию же на 20 марта 1941 г. ГРУ еще не располагало такой информацией. Потому и расценило эти сообщения о вероятности войны весной 1941 г. как слухи, распускаемые именно англосаксонскими, особенно британскими силами. Потому как их задачей в тот момент действительно являлось практически никак не скрывавшееся желание поскорее стравить СССР и Германию в смертельной схватке, что и было чуть позже вновь четко подтверждено сотрудником нью-йоркской резидентуры НКГБ Г.Б. Овакимяном.

ГРУ ни на йоту не ошиблось еще и потому, что по состоянию на 20 марта 1941 г. ни одна из разведслужб СССР еще не располагала хоть какими-то данными о переводе графика военных перевозок вермахта на Восток в режим финишного этапа и тем более в режим военного времени. Если на немецком штабном языке того периода, о введении в режим максимально уплотненного графика движения эшелонов. Этими исключительно важными данными однозначно индикаторного характера Москва стала обладать лишь в начале последней декады мая 1941 г., то есть в самом конце весны этого года. Именно тогда от своего ценного агента - крупного железнодорожного чиновника рейха -

берлинская резидентура НКГБ получила неопровержимые документальные данные о том, что этот график переводится в режим военного времени (максимально уплотняется). Только в тот момент стало понятно, что процесс сосредоточения и развертывания войск вермахта для нападения на СССР вступил в финальную стадию. В том числе было установлено, что командование вермахта приступило к выдаче предписаний ж.-д. чиновникам рейха об их обязанности прибыть на некоторые узловые ж.-д. станции в приграничной зоне СССР на пятый день с момента начала агрессии против Советского Союза. А теперь сопоставьте. График военных перевозок вермахта был переведен в режим максимального уплотнения движения эшелонов 22 мая 1941 г., а уже 24 мая 1941 г. Сталин созвал секретное совещание членов Политбюро с участием высшего военного командования. И на этом совещании прямо так и заявил, что в самое ближайшее время, судя по всему, СССР может подвергнуться внезапному нападению со стороны Германии! То есть о переводе этого графика в иной режим он знал заблаговременно и, судя по всему, явно еще в начале мая, самое позднее, так как уже 13 мая он лично санкционировал выдвижение всех намеченных для этого войск к западным границам, насчет чего Жуков и Тимошенко и дали соответствующую директиву. Так за что же попрекать славное ГРУ и особенно Сталина в части, касающейся вывода № 2?! Как видите, не за что.

Но, быть может, ГРУ ошиблось или сугодничало, тем более из страха перед Сталиным, и даже отдало некую дань культу «гениального вождя» в выводе № 1 - «...наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира»? Увы, для всех, кто абсолютно без каких-либо на то оснований всю «полощет» кровью и потом многих поколений военных разведчиков заработанный высочайший авторитет ГРУ и тем более имя Сталина, ничего подобного и в этом случае нет! ГРУ и в этом случае ни на йоту не ошиблось. Сама жизнь, весь ход последующих событий, сама трагедия 22 июня ясно показали, что ГРУ было изумительно точно в своем безошибочно провидческом, но столь трагически же подтвердившемся прогнозе. Вы только вдумайтесь в то, что же написало ГРУ в выводе № 1. Ведь военная разведка в сущности-то беспрецедентно точно, провидчески спрогнозировало

ситуацию с так называемой «миссией» Гесса: заместитель фюрера по партии именно для того и рванул в Англию, чтобы как раз и договориться на почетных условиях с лидерами верхушки ее правящей элиты!

Разве это никому не известно? Как этот вывод мог снять значение приведенных в докладе сведений, тем более ввести в заблуждение самого Сталина, если сама жизнь трагическим образом, но беспрецедентно точно подтвердила вывод № 1 доклада ГРУ от 20 марта 1941 г.? Все получилось так, как и прогнозировало ГРУ. Нападение на СССР произошло после того, как, во-первых, в Англию рванул Гесс. А, во-вторых, что и есть главное, после того, как между высокопоставленными представителями Англии и Р. Гессом была достигнута некая по сию же пору официально неизвестная в полном объеме и особенно в не вызывающей сомнений и подозрений документальной точности договоренность. Проще говоря, Гитлеру была гарантирована практически полная безнаказанность однофронтowego разбоя Третьего рейха на Востоке, сиречь против СССР. Аж до 1944 г.! О чем, к слову сказать, в сентябре 1941 года Черчилль лично проболтался советскому послу Майскому.

Итак, в чем могло ошибиться или сугодничать ГРУ в части, касающейся вывода № 1?! Ведь дата 22 июня 1941 г., как дата нападения Германии на СССР, четко, однозначно, а главное же, письменно впервые была указана в документах германского военного планирования только 10 июня 1941 года. В документе под названием «Распоряжение главнокомандующего Сухопутными войсками о назначении срока начала наступления на Советский Союз» № 1170/41 от 10.6.1941 года. Разве требует особых доказательств тот факт, что 10 июня - это ровно месяц после 10 мая, то есть ровно месяц после того, как Р. Гесс сиганул через Ла-Манш в Англию? В чем здесь ошибка ГРУ или ошибка, а то и заблуждение самого Сталина? Ведь почти за три месяца до письменного свершения факта определения Гитлером даты нападения на СССР, ГРУ абсолютно точно их спрогнозировало, в том числе и особенно точно спрогнозировало ситуацию, в которой это решение будет принято, то есть в ситуации откровенных попыток Гесса достичь почетного мира с Англией?

В чем же тогда вина ГРУ или того же Сталина? А ни в чем! Ее попросту нет, потому как нет, и не было никакой ошибки - в помине не

было, как, впрочем, и какого бы то ни было угодничества ГРУ перед Сталиным. В своих выводах № 1 и № 2, изложенных в докладе от 20 марта 1941 г., ГРУ ни на йоту не ошиблось. Уж сейчас-то это ясно как божий день! Этими выводами ГРУ ни на йоту и ни в чем не ввело Сталина в заблуждение, наоборот, точно обрисовало ему тот сценарий, которого более всего и следовало опасаться. И кто бы объяснил следующее. Ну что плохого могло быть в том, что основанное на тщательнейшем анализе реальных фактов мнение ГРУ точно совпало с провидческой позицией Сталина, если это совпадение совершенно ясно означало, что аналитики ГРУ фактически вышли на тот же высочайший уровень компетентности в вопросах мировой политики, каковым обладал лично Сталин? И сам Сталин ни в чем не ошибался и не заблуждался, особенно в вопросе о времени, дате и антураже нападения Германии на СССР.

Уже после начала войны, 7 июля 1941 г., ГРУ направило Сталину и Молотову специальное сообщение подробного аналитического характера, в котором указывало, что «вооруженное выступление против СССР было предпринято задолго до перелета Гесса в Лондон для прощупывания почвы о возможности мирных переговоров между Англией и Германией, что подтверждается агентурными данными. Перелет Гесса в Англию нужно рассматривать как попытку Гитлера склонить Англию на заключение мира, поставив ее перед свершившимся фактом уже законченного сосредоточения основной группировки сил против СССР». Все верно, хотя склонить Англию к прямому, тем более письменному заключению такого мира Германии и Гитлеру не удалось. Ничего не фиксируя письменно, тем более свое «одобряем-с» агрессии Гитлера против СССР - это был бы абсолютно неопровержимый и потому-то абсолютно не обжалуемый смертный приговор самому Коварному Альбиону - вселенские бандиты с обеих сторон действительно договорились между собой и действительно на почетных для каждого из них условиях: максимально возможное снижение угрозы разрушения и тем более уничтожения Англии, особенно за счет воздушных бомбардировок, в обмен на свободу рук на Востоке, против СССР при едва ли не абсолютных гарантиях безнаказанности однофронтового блиц-«Дранг нах Остен»-крига против СССР аж до 1944 г.! ГРУ так и указывало в том спецсообщении от 7 июля 1941 г.: «По имеющимся данным, эта попытка склонить на

мир Англию не увенчалась успехом, но в известной степени получила отражение в дальнейшем ходе военных действий между Германией и Англией в сторону их ослабления. Для подтверждения такого вывода необходимо привести следующие конкретные факты:

а) Переброска всех родов войск немецкой армии на Восток продолжается за счет ослабления группировки немецких войск на северо-западном побережье Франции...». То есть совершенно откровенно осуществлялась переброска ранее дислоцированных там для боевых действий против Англии войск вермахта. До остервенения опасавшийся войны на два фронта Гитлер ни при каких обстоятельствах не рискнул бы осуществлять такие переброски, не будь у него британских гарантий того, что в ближайшие два-три месяца, в течение которых ему грезился успех его блицкрига против СССР, в спину рейху на Западе не ударят! ГРУ, к слову сказать, зафиксировало конкретные результаты англо-германского сговора еще до нападения на СССР. В начале того спецсообщения ГРУ прямо указало, что еще до нападения на СССР Германия оставила в оккупированной части Франции всего 14-15 дивизий! Далее в том же спецсообщении ГРУ отмечало: «б) Усиление Восточного фронта германской авиацией продолжается. Захваченные пленные показывают, что их соединения за 3-4 дня до начала войны и даже в процессе войны переброшены из Франции». То есть ГРУ однозначно показывало ситуацию реального действия на практике достигнутого накануне агрессии против СССР англо-германского тайного сговора - гитлеровцы, совершенно не опасаясь последствий, перебрасывали громадные силы из Франции на Восточный фронт! Характерно также, что ГРУ указало на то обстоятельство, что этот процесс начался за 3-4 дня до нападения Германии на Советский Союз. А ведь именно это-то и означало, что к тому времени у Гитлера на руках уже были «железные» британские гарантии безнаказанности однофронтного нападения на СССР. Соответственно, выходит, что возобновление выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции с 4.00 18 июня 1941 г., Гитлер санкционировал, уже располагая однозначным согласием Англии на его агрессию против Советского Союза!

ГРУ прямо назвало и те части люфтваффе, которые были переброшены с Запада на Восточный фронт. Это 4-й, 5-й и 8-й авиационные корпуса, 38-я бомбардировочная эскадра, 25-я

авиационная эскадра, 6-я дальнеразведывательная эскадра и т.д. А ведь это многие десятки и даже сотни боевых самолетов люфтваффе, которые затем безнаказанно сеяли смерть и разрушения на советской территории.

Однако самый поразительный по смыслу в спецсообщении был пункт «в»: «Для действий английской и германской авиации на Западном фронте характерно резкое снижение активности начиная с середины мая»! Очевидно, что это резкое снижение активности боевой авиации двух воюющих государств произошло, во-первых, сразу после прибытия Гесса в Англию. Во-вторых, носило явный характер авансового платежа с обеих сторон. Ведь они обе одинаково нуждались в практическом подтверждении намерения каждой из них пойти-таки на тайный сговор. Тем более что со стороны Англии это вообще было ультимативным требованием, выполнение которого со стороны Германии эвентуально гарантировало как возможность самих переговоров с Гессом, так и особенно возможность достижения тайного сговора против СССР по указанной выше схеме. В свою очередь, это означает, что уже с середины мая 1941 г. обе стороны стали играть в профанацию под названием «взаимные бомбардировки» для отвода глаз: по сообщениям лондонской резидентуры ГРУ, гитлеровцы с того времени залетали в английское воздушное пространство одиночными самолетами! Кстати, и англичане, по тем же данным, тоже проводили свои налеты на Германию крайне незначительным количеством самолетов, потому как по сравнению с предшествовавшим перелету Гесса периодом их количество было снижено в 7,5 раза! Весьма характерно и то, что и те, и другие едва ли не в первую очередь снизили также и интенсивность налетов на важные объекты. Вот это «джентльмены», не приведи Господь!

Приведя вкратце эти данные об истинном значении выводов доклада ГРУ от 20 марта 1941 г., менее всего хотелось бы содействовать формированию у присутствующих мнения о едва ли не абсолютной безгрешности ГРУ накануне войны. Ни одна разведка мира не может быть безгрешной. От сотворения мира она действует в условиях дефицита, как правило, острого дефицита и времени, и не вызывающей сомнений истины, с которой, как с эталоном, можно сверять всю добываемую информацию. Добавьте к этому жесточайшее противодействие контрразведки того государства, против которого

ведется разведка, особенно если оно считается наиболее вероятным и тем более главным противником, и даже не посвященному в тайны невидимого фронта станет ясно, что без ошибок или заблуждений не обходится. Другое дело, конечно, сколь быстро разведка избавляется от ошибок, ошибочных оценок и тех или иных заблуждений, в которые она могла угодить, в том числе благодаря искуснейшим стараниям контрпартнеров по невидимому фронту. И, надо признать, советская разведка очень быстро избавлялась от ошибок и заблуждений.

И в заключение хотел бы несколько слов сказать о доверии и недоверии Сталина к разведке, ее информации и отдельным разведчикам. Прежде всего, особо принципиальное общее положение. Если руководитель государства будет всецело полагаться только на разведывательную информацию, то не миновать ему роковых ошибок. Разведка, даже самая мощная, легко может стать жертвой чрезвычайно искусной дезинформации противника, выдав ее руководству своего государства как исключительно достоверную. Вспомните, как американцы нагнали нас со звездными войнами, втянув Советский Союз в новый, чрезвычайно затратный виток гонки вооружений, в результате чего экономика СССР надорвалась. Поэтому здоровый скепсис в отношении докладываемой разведывательной информации у руководителя государства просто обязан присутствовать. Такой здоровый скепсис был и у Сталина. Всякий раз, когда информация разведки затрагивала вопросы войны и мира, но при этом страдала общими выражениями или отсутствием каких-либо точностей в стратегических аспектах, Сталин, естественно, требовал от руководства разведки вновь и вновь все тщательно проверить. А, по возможности, еще и перепроверить. Это абсолютно нормальная практика руководителя крупнейшего государства мира. Тем более, накануне войны. Все это к тому, что вопреки сложившейся беспочвенной легенде, Сталин не писал никаких матерных резолюций на донесениях разведки, тем более за неделю до войны. Нигде нет ни малейшего упоминания о том, что такое имело место быть. Даже при публикации этого донесения разведки в рамках сугубо архивного издания. Нет ни звука об этом и в Очерках Истории Российской Внешней Разведки. Причем, обращаю на это особое внимание, упомянутые издания выходили в период апогея самой разнузданной антисталинской пропаганды демократов ельцинского призыва. И, тем

не менее, ни звука. А то, что у нас не разучились делать фальшивки - так вот это действительно непреложный факт. И вовсе не случайно, что эта фальшивка появилась не в советское время, а только в 1995 году, когда и защищать-то правду было некому.

Вплотную к вопросу о доверии и недоверии Сталина разведывательной информации примыкает и проблема скептического отношения руководства ГРУ и лично Иосифа Виссарионовича к Зорге и его информации. Причина кроется в контрразведывательной составляющей разведывательной миссии Р.Зорге в Японии. Обычно такие детали не учитывают. Куда приятней рассуждать о непонятом и незаслуженно игнорировавшемся легендарном разведчике, геополитике, выдающемся ученом-японисте (кстати, и синоведе тоже). Никто и не собирается покушаться на выдающиеся таланты этого незаурядного человека. Однако, спустя шестьдесят с лишним лет со дня его гибели в японских застенках, очевидно, пора уже трезво посмотреть и на теневые стороны его разведывательной деятельности. А они, к глубокому сожалению, таковы, что, еще не придя в советскую военную разведку, Р. Зорге уже был на примете ... в британской разведке. Впервые с британскими спецслужбами он «познакомился» еще в 1929 г. во время пребывания в Англии по линии Коминтерна, где контактировал с представителями Англо-русского комитета профсоюзов, который, как известно, весной 1929 г. провел всеобщую забастовку протеста против политики правительства. Зорге был задержан британской полицией. «Это сыграло решающую роль, и после двукратного откладывания решения о том, где ему надлежит работать, 16 августа 1929 г. его исключили из списка работников Западно-Европейского бюро Коминтерна и откомандировали в распоряжение ЦК ВКП (б). Именно в это время он оказывается в советской военной разведке. Свыше сорока лет считалось, что в том заслуга тогдашнего шефа ГРУ - Я.Берзина. Сейчас с документальной точностью установлено, наконец, что в советскую военную разведку Зорге напросился сам, причем с конкретной программой деятельности ... по Китаю!? Причем, будучи еще в Англии, где при помощи своей первой жены - Кристины - познакомился с резидентом ГРУ в Германии Константином Михайловичем Басовым. Настоящие Ф.И.О. - Аболтынь Ян Янович. В те годы разведка против Англии велась также и с территории Германии.

Письмами от 9 и 16 сентября 1929 г. Басов сообщил в Центр не только о необходимости привлечения Зорге к разведывательной работе, но и изложил целую программу его использования в Китае, автором которой был сам Р.Зорге. Предложение было принято и вскоре Зорге уже в Китае. И едва ли не с порога опять попал если и не полностью «под колпак» британской разведки, то, по крайней мере, под пристальное ее наблюдение. Среди его ближайших друзей в Китае была знаменитая в те годы левая по своим взглядам американская журналистка - Агнесс Смедли. Именно она в немалой степени способствовала разведывательным успехам Зорге в Китае. Причем, и это надо прямо указать, на знакомство и установление с ней дружественных отношений Зорге был ориентирован непосредственно руководством ГРУ. Агнесс Смедли давно находилась под очень пристальным вниманием британской разведки - как центрального аппарата, так и регионального подразделения в лице ее Индийского бюро. Потому, что она была сильно замешана в левых интригах с индийскими националистами в Германии, где многие из них искали не только сочувствия, но и поддержки. А Смедли, наряду с сотрудничеством с американскими печатными СМИ, работала и на ряд германских газет. Под конец 20-х гг. интересы А.Смедли сместились на Китай, где она также установила серьезные связи с антиколониальным подпольем, в том числе и в зоне британского влияния. И опять угодила под пристальное внимание резидентуры британской разведки. В одной из своих первых корреспонденций из Китая, она сама описала ситуацию вокруг нее, как ей четко объяснили ее же коллеги журналисты: «На юге (Китая - А.М.) особенно сильна британская разведка. Можете быть уверены, что ей точно известно, когда вы прибыли в Китай, и все остальное о вас тоже, вплоть до того, как часто вы меняете нижнее белье». У британской разведки в Китае действительно были колоссальные возможности и все, что было связано с А.Смедли, плотным потоком оседало в досье на нее. Зорге же быстро установил тесные отношения с А.Смедли в Китае и, абсолютно не скрываясь, контактировал с ней. Британская разведка имела все основания усматривать за этим не только творческим союзом двух талантливых журналистов некое проявление германо-американского содействия Советам в антибританской деятельности на китайском плацдарме. В данном случае следует иметь в виду, что и

А.Смедли, и Р.Зорге уже тогда активно сотрудничали со знаменитым журналом «Zeitschrift für Geopolitik» К. Хаусхофера. К тому же, Зорге работал под своим настоящим именем и, следовательно, установить, что ранее задерживавшийся в Англии известный функционер Коминтерна и активист германской компартии Рихард Зорге и германский журналист в Китае Рихард Зорге - одно и то же лицо не представляло особо труда. В Германии у британской разведки также была нехилая агентура, особенно в полицейских органах, тем более что из-за своей деятельности в Коминтерне он стал объектом особого внимания и полиции Веймарской Германии. Из-за совокупности этих обстоятельств, уже в период китайской командировки Зорге находился под пристальным наблюдением британской разведки. Между тем, Великобритания крайне нервно воспринимала любые шаги СССР, Коминтерна и США на китайском направлении и вообще на азиатском азимуте. А Зорге, к стати сказать, несмотря на то, что дистанцировался от Коминтерна, один раз в Китае все же был вовлечен в деятельность бывших соратников по партийному подполью в связи с делом Ноуленса (Рудника). Что поставило его на грань провала, тем более что даже руководство службы безопасности компартии Китая и то проведало о его разведывательной миссии и даже о статусе резидента!? Более того. Бросалось в глаза британской разведке и такое обстоятельство. Ее данные свидетельствовали, что на китайском плацдарме сосредотачиваются как громадные силы Коминтерна, советской разведки и дипломатии, так и просоветски настроенные представители Германии. Особую тревогу вызывали данные о том, что это представители ее военных кругов во главе с генералом Гансом фон Сектом, который в то время являлся германским военным советником у Чан Кайши.

В свете известных геополитических страхов Великобритании насчет континентального блока, в том числе и с участием Китая, нетрудно представить себе те далеко идущие выводы, которые, очевидно, и сделала британская разведка из этих фактов. Она тем более не могла не сделать далеко идущих выводов, если учесть, что в Китае Зорге появился под руководством лица, издавна хорошо знакомого как британским спецслужбам, так и, впоследствии, контрразведкам многих стран, в том числе и нанкинскому правительству - Улановского Александра Петровича (настоящие

Ф.И.О. - Хаскелевич Израиль). Бывший анархист Хаскелевич еще до революции бежал из ссылки в Туруханском крае за границу и более двух лет провел в Англии, Франции и Германии. В начале 20-х гг. работал разведчиком нелегалом в Германии. Затем вплоть до 1928 г. в Профинтерне, в качестве представителя которого побывал в командировках в Германии и Китае, и везде «засветился». С 1928 г. вновь в военной разведке. При выезде в Китай в качестве резидента и куратора Зорге, очень быстро в очередной раз провалился и вынужден был покинуть страну уже в 1930 г. В том же году был направлен резидентом в Германию, где также быстро провалился. Хаскелевич очень хорошо был известен британским спецслужбам. И в период работы Зорге в Японии, куда он уезжал, обреченно зная, что бриты «сидят» у него «на хвосте», Хаскелевич в очередной, но на этот раз уже по-крупному «засветил» Зорге во время своего очередного провала в Дании, вошедшего в историю ГРУ как копенгагенский.

Когда Зорге в срочном порядке был отозван из Китая, он выдвинул новую идею - направить его в Японию в качестве журналиста и опять под своим же именем. Почему?! Почему это эта его идея должна была совпасть с началом попыток Троцкого установить контакты как с приведенными к власти в Германии нацистами, так и с представителями Японии?! Почему эта идея должна была совпасть с первыми попытками отца и сына Хаусхоферов установить союзнические отношения между Германией и Японией теперь уже на государственном уровне?! Ведь дорогу к будущей оси «Берлин-Токио» еще в 1933 году стал торить именно сын Хаусхофера - Альбрехт, с которым Зорге был близко знаком. Но вот ведь какое дело - с одной стороны, А.Хаусхофер был доверенным лицом самого Рудольфа Гесса. С другой же, Альбрехт Хаусхофер был активистом оппозиционной Гитлеру группировки *Mittwochgesellschaft*, в которую входили многие высшие правительственные чиновники, дипломаты, генералы (в частности, генерал Бек), представители научной интеллигенции и клерикальных, преимущественно, католических кругов. [Кроме того, британская разведка, которая держала Хаусхоферов, особенно Альбрехта под плотным наблюдением, знала также, что, например, последний находился в постоянном контакте и с левой антигитлеровской оппозицией, вошедшей в историю под обобщенным названием «Красная Капелла».] Именно на эти силы, в

том числе и на Р.Гесса, и пыталась выйти вдохновляемая Троцким антисталинская оппозиция. К слову сказать, еще с коминтерновских времен Зорге был весьма близок с некоторыми ее лидерами, в частности, с Бухариным и Радеком. Почему при таких обстоятельствах при выезде в Японию Зорге был остро сориентирован на установление отношений с формально малоизвестным помощником военного атташе Германии Ойгеном Оттом?! Ведь в тот период Отт мог представлять интерес не столько в указанной выше ипостаси, сколько как ближайший помощник последнего догитлеровского рейхсканцлера генерала К.фон Шлейхера, выполнявший в недавнем тогда прошлом функции особо доверенного связника между Шлейхером и Гитлером. Более того. В свое время Ойген Отт был одним из ближайших помощников генерала Ганса фон Секта, при котором и начиналось сотрудничество двух армий. Почему Зорге добивался получения рекомендательного письма именно к нему, в чем ему помог друг Отта - ведущий автор германской газеты «Tägliche Rundschau», д-р У.Зеллер, о чем и о ком еще надо было знать, чтобы обратиться с такой просьбой?! Прежде всего, откуда это знание?! Более того, после того как Шлейхер вынужден был уйти в отставку с поста рейхсканцлера, Отта попросту сослали в Японию на очень незавидную должность и в таком случае спрашивается, зачем он мог понадобиться до такой степени, что Зорге добивался у д-ра Зеллера рекомендательного письма лично к Отту?!

Прибыв в Японию под своим именем, Зорге опять оказался под пристальным вниманием британской разведки, тем более что одним из его близких друзей стал британский военный атташе в Японии, генерал-майор британской армии Фрэнсис Стюарт Пигготт. Кроме того, Зорге продолжил интенсивное сотрудничество со знаменитым и влиятельным в международных кругах журналом «Zeitschrift für Geopolitik», где публиковал свои статьи о Японии, вызывавшие серьезный интерес во всем мире. Как корреспондент самого К.Хаусхофера и его журнала «Zeitschrift für Geopolitik», Зорге тем более привлек внимание к своей персоне. Самым главным агентом Зорге в Японии стал Ходзуми Одзаки, который ранее также «засветился» перед британской разведкой своей близостью с Агнесс Смедли еще в Китае (не исключено, что не без содействия бриттов Одзаки еще в Китае арестовывался японскими спецслужбами). В

Японии Ходзуми Одзаки достаточно быстро сблизился с принцем Коноэ как авторитетный специалист по Китаю. А когда было создано Общество Сёва - стал одним из его членов. В 1935 году в Копенгагене в очередной раз с колоссальным треском провалился Хаскелевич-Улановский. Датской контрразведке он, естественно, и даром был не нужен - арестовали, промурыжили, выгнали и все. Однако все дело в том, что Дания - это старинная, еще со времен Первой мировой войны «вотчина» британской разведки. И уж она-то на этом провале поживилась, тем более что попался ее старый знакомый - Хаскелевич. Естественно, в силу жестких законов разведки, Центр принял решение об отзыве Зорге из Японии. Обычно его приезд в СССР в 1935 г. представляют как вызов для отчета о проделанной на первом этапе легализации работе, а также для знакомства с новым шефом военной разведки - Соломоном Урицким. Внешне все оно так и выглядело, но действительная причина его отзыва - это очередной грандиозный провал хорошо знавшего Зорге Хаскелевича. Он провалился 19 февраля 1935 г., а к лету Р.Зорге окружным путем прибыл в Москву. Однако вызов Зорге в Москву после провала Хаскелевича стал фактическим подтверждением того, что старый знакомый британской разведки - Р. Зорге - находится в Японии по заданию советской разведки. При всем том, что его отъезд, естественно, был соответствующе легендирован, тем не менее, совпадение по времени да при условии, что бритты его знали, автоматически давало серьезные основания для убежденности в том, что он отозван по указанию из Москвы из-за провала Улановского-Хаскелевича. И точно также возвращение Зорге в Японию вызвало у британской разведки очередной прилив подозрений. Что советская военная разведка далеко не проста и не только ради разведывательных целей вертится в Японии вокруг германского посольства (кстати, в это время послом Германии в Японии был Дирксен, занимавший перед этим назначением аналогичный пост в Москве), военного атташе Германии и советника самого принца Коноэ. Именно не проста, потому как в это время британская разведка по нарастающей получала агентурную и иную информацию о шашнях внутренней антисталинской оппозиции, как с представителями Германии, так и Японии. Естественно, что ход мыслей в ее выводах был предрешен - она откровенно усмотрела в этом попытку под вывеской разведывательной

деятельности реализовать основной замысел военно-геополитического тройственного заговора. К этому британскую разведку обязывала и информация, которая поступала из Голландии, где под ее «колпаком» оказался резидент советской разведки - уже упоминавшийся выше Кривицкий, который вошел в тесный контакт с германскими заговорщиками в кругу приближенных к бывшему германскому кайзеру. Ни одна разведка не рассматривает такие данные как случайность, тем более, британская. Потому как получалось, что на плечевых концах тройственного заговора, грозившего трансформироваться в страшивший Великобританию континентальный блок, плотно висели представители советской военной разведки. Если вкратце резюмировать вышеизложенное, то выходит, что фигура хорошо известного британской разведке Рихарда Зорге стала нечто вроде «меченого атома». Особенно это стало характерно, когда и британская разведка пронюхала о ведущихся между Берлином и Токио секретных переговорах насчет заключения Антикоминтерновского пакта.

Если исходить из собственноручных показаний Зорге в японской контрразведке, его главное задание в Японии состояло в том, чтобы «отвести угрозу войны между СССР и Японией». Однако такое задание не является сугубо разведывательным. Оно выходит далеко за рамки сугубо разведывательной миссии. Это задание создать условия для оказания массивного политического влияния в выгодном для СССР направлении. Причем на основе использования прямо на месте добытой разведывательной информации. То есть разведывательная миссия Зорге в Японии изначально преследовала цели влияния на политику Японии. Результат это дало только в 1941 г. А до этого, за кулисами цели «отвести угрозу войны между Японией и СССР» достаточно легко было вести и иную работу по оказанию влияния - например, в рамках тройственного заговора. Тоже ведь «отвести войну»! Очевидно, неслучайно поэтому, что по свидетельству специалистов ГРУ, «план организации резидентуры в Токио (1933), определяющий цели создания и общие задачи резидентуры, излагающий предварительную схему ее организации и перечень намечаемых оргмероприятий, не был зафиксирован каким-либо специальным документом»! Проще говоря, как ни странно, не сохранилось никаких специальных документов, фиксирующих цели

создания, общие задачи и план организации токийской резидентуры Зорге. А ведь это просто немыслимо! Тем более что разработкой операции «Рамзай» руководил лично начальник военной разведки Я.Берзин. Значит, в разведывательной миссии Зорге в Японии, по меньшей мере, было нечто такое, чего даже Берзин не захотел доверять бумаге вопреки всем правилам планирования и проведения разведывательных операций. Так вот и спрашивается, что же это должно было быть, если даже сам шеф военной разведки Я.К.Берзин был репрессирован в рамках дела о военном заговоре, а Зорге попал под долгосрочный прессинг недоверия со стороны Москвы?! Кстати говоря, с 1932 г. военную разведку курировал никто иной, как будущий подельник Тухачевского - Ян Гамарник.

Зорге и верили, и не верили. Иногда просто верили или просто не верили, а затем, после 1937 г. настало время, когда ему перестали верить уже с большим смыслом. Потому что все, что было сказано выше, едва ли не мгновенно сложилось один к одному. В такой ситуации любая разведка начинает косо смотреть на своего сотрудника или агента. Ничего не поделаешь, законы разведки, увы, более чем суровы. К тому же следует учесть, что с разрешения руководства разведки, Зорге пошел на вербовку Абверу. Рано или поздно, но и это должно было сыграть злую шутку. Что касается его роли перед войной, то здесь необходимо сказать следующее. Он не сыграл какой-либо особой роли в определении времени и особенно даты нападения. Пальма первенства в этом принадлежит «Альте» - Ильзе Штёбе, а также другим агентам. Но Зорге сыграл серьезную роль в определении уровня и качества осведомленности гитлеровского командования об особой ущербности позиций советских войск у границы, чему, к слову сказать, в ГРУ сразу не поверили и потребовали объяснений. Роковая ошибка Зорге на том этапе состояла в том, что он изначально располагал такой информацией, но не сообщил ее сразу, а только по запросу ГРУ, на который ответил только 3 июля, когда было уже поздно.

Но самое главное, что сделал Зорге в ходе своей миссии в Японии, так это то, что он все-таки «отвел угрозу войны между СССР и Японией». Зато мы и обязаны свято чтить его память! Но при этом не забывать следующего. В том, что без тяжелых последствий удалось перебросить войска из Сибири и Дальнего Востока для уже

спланированного контрнаступления под Москвой заслуга не только Зорге. Колоссальный вклад внесли и другие разведчики и резидентуры, не говоря уже о заслугах советской радиоразведки и криптографов, которые сумели расколоть самый тяжелый и особо защищенный код Страны Восходящего Солнца - «пурпурный».

И в заключение хотелось коротко осветить один вопрос, который уже явно вертится на кончике языка присутствующих. Как же могла случиться трагедия, если, как утверждает докладчик, разведка добыла едва ли не всю необходимую информацию?!

Ответ трагически прост. Все упирается в то, как была использована бесценная разведывательная информация. И тут приходится признать, что высшие военные руководители СССР, прежде всего, нарком обороны маршал С.К.Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К.Жуков, к глубокому сожалению, откровенно проигнорировали, если не сказать крепче, большую часть добытой разведывательной информации. Прежде всего, о направлениях главных ударов вермахта, не говоря уже о другом. К сожалению, подробный анализ затронутых аспектов выходит далеко за рамки настоящего доклада. Более подробно об этом я написал в своей книге «Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина» (М., 2006).

Ну вот, пожалуй, и все, что хотелось бы рассказать уважаемому собранию в те короткие минуты, что были мне отведены. Благодарю за внимание.

Мартирисян А.Б.